

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г79

Оформление *Екатерины Петровой*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Грей, Стелла.

Г79 Успокой меня : [роман] / Стелла Грей. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. —
(Любовь на ладони).

ISBN 978-5-17-112771-8

Свежий воздух, живописная природа и шикарный мужчина в ковбойской шляпе на фоне заходящего солнца. О чем еще можно мечтать? Гарантирую, не об этом.

Все потому, что в программе защиты свидетелей решили — самым лучшим выходом будет засунуть меня на богом забытую ферму в качестве гувернантки для восьмилетнего ребенка.

Вот только ребенку совсем не восемь лет, а мой наниматель порвет за свою милую Хлою любого, даже если это ее незадачливая няня.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112771-8

© Stella Grey, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРОЛОГ

— Тони, там эта приехала... из города. Сиделка.

— Гувернантка, — поправил я Диего, выходя из денника, в котором менял подстилку лошадям. — Сиделки нужны старикам. Где она?

— На веранде ждет. — Старик потер нос и на миг преградил путь рукой. — Только это... она не совсем такая, как ты думал. Вернее, совсем не такая.

— Что ты имеешь в виду? — Я нехотя остановился.

— Ну, ты хотел пожилую леди с опытом...

— И?

— Эта молодая совсем. Каблучищи — во... — Диего, мексиканец старой закалки, который всю свою жизнь провел на ферме, вытянул руки вперед, оставляя между ними промежуток размером с мою ладонь, и покачал головой: — И собака с ней странная.

— Какая собака? — совсем потерялся я. — Гувернантка приехала с животным?

— Ну как — с животным? Дрожит что-то мелкое, уши торчат огромные, твякает иногда злобно так.

— Ты о собаке сейчас? Или о хозяйке?

— Не, хозяйка что надо. Говорю же, каблучищи — во! — На этот раз он почему-то обрисовал пышную грудь. — И глаза красивые. Только здесь чего она забыла — непонятно.

— Сейчас разберемся, кого там принесло с большими ушами, — ответил я, следуя к выходу из конюшни.

Солнце припекало нещадно, угрожая скорой засухой. Скорее бы пошел обещанный синоптиками дождь. Прихватив с гвоздя на стене шляпу с полями, нацепил на голову и вышел на улицу, вдыхая сухой горячий воздух.

И тут же закашлялся, подавившись. Слишком уж неожиданным было увиденное.

Она стояла футах в десяти, громко ругаясь и протирая влажной салфеткой собственный каблук. Вот тако-о-ого размера! Диего не соврал.

В последний раз я видел нечто подобное, когда случайно зацепил по телевизору показ конкурса «Мисс Америка». Но здесь, на ферме в Канзасе, где ближайший город в сорока милях, а рейсовый автобус — раз в неделю, увидеть подобное я не ожидал.

— Дерьмо! — тем временем вещала претендентка в гувернантки, старательно оттирая

нечто коричневое от своих туфель. — Что за дыра?!

— Ваф!!! — визгливо вторила ей собачка, трясясь всем телом.

— Дерьмо и есть, — тихо проговорил Диего, выглядывая из-за моего плеча. — Говорю ж, обувь у нее того...

— Неподходящая, — согласился я, складывая руки на груди.

И сама девушка тоже неподходящая!

ГЛАВА 1

Элеонора Ридли

Самолет заходил на посадку, а я смотрела в иллюминатор и не верила своим глазам. После ярких огней Нью-Йорка город казался невзрачным. Я любила жизнь, любила движение и ненавидела застой. И вот меня послали сюда, в Уичито, городок на триста пятьдесят тысяч душ.

Наверняка это кто-то из программы защиты свидетелей мстил мне за последний инцидент. Зная, насколько испортился мой и без того несладкий характер после бесконечных переездов и прятков, они решили засунуть меня подальше ото всех, в самую глушь. Чтобы уж наверняка не вызвала больше никаких проблем.

Самолет выпустил шасси и плавно коснулся посадочной полосы, после чего поехал дальше. Люди вокруг начали переговариваться, радуясь благополучному приземлению, а я с постной миной поднялась, чтобы достать ручную кладь с полки.

— Прошу вас вернуться на место, — тут же разволновалась стюардесса, пристально следившая за порядком. — Как только самолет остановится...

— Да-да, — отмахнулась я, достав рюкзак и вернувшись на свое кресло. — Понятно.

Девушку перекосило, но она постаралась модернизировать это в приветливую улыбку. Талант! Мне бы ее терпение...

Наконец, спустя еще пару минут, нам разрешили выходить.

Толпа последовала на выход, переговариваясь и двигаясь, словно черепахи. Прямо передо мной шла мама с маленьким ребенком. Тот сидел у нее на руках и смотрел на меня через плечо, показывая язык. Милота, но только со стороны. Сама я детей боялась до ужаса: никогда не знаешь, чего от них ожидать. С виду милый комочек, улыбается беззубо, тянет ручки, а в следующий миг...

Сглазила. Внезапно чихнув, малыш ни с того ни с сего зашелся в крике. Его мать заулюлюкала, остановилась, перекрыв проход, и начала успокаивать свое детище, поглаживая по спине.

Мне стало некомфортно, словно я сама причастна к плачу ребенка. Как-то помочь словом или тем более делом тоже не могла — у меня не было совсем никакого опыта общения с маленькими человечками. Я их избегала из-за то-

го самого страха случайно, по незнанию, причинить вред.

Прошло уже секунд двадцать, девушка не сходила с места.

— Извините, может, вы пройдете вперед или просто присядете? — нервно предложила я, желая поскорее сбежать отсюда и забыть о неприятном инциденте. — Я бы хотела наконец выйти из самолета.

— Ох, простите, сейчас мы отойдем... Да, мой хороший? Да, мой сладкий? Ах ты мой милый...

Тут мне стало совсем нехорошо. Дело в том, что я сирота. Своих настоящих родителей никогда не знала, сменила за жизнь четыре семьи, так нигде и не пригодились, и совсем разучилась воспринимать ласку. Она казалась мне приторно-сладкой и вызывала приступы неловкости.

— Мэм, пожалуйста... — тихо проговорила я, наблюдая, как та продолжает тискать своего карапуза и уже явно забыла, что здесь не одна. Пришлось добавить тверже: — Женщина...

— Вот именно! — вдруг негодуя отозвалась та. — А вы как будто не женщина! Неужели не понимаете, что мне нужно успокоить ребенка?!

— Что там? — к мамаше подошла другая дама, ушедшая до этого вперед.

— Генри плачет. Похоже, кто-то сильно его напугал! — пожаловалась та, что преградила

мне дорогу, многозначительно косясь в мою сторону.

Ну вот, началось...

— И не стыдно?! — ни к кому конкретно не обращаясь, заявила явно подружка мамочки. — Люди стали такими бесчувственными!

— Вы идете или нет? — меня ткнули в спину. — Сколько можно стоять?!

Я же, прикрыв глаза, считала до двадцати, как учил маршал Пастерс, уверяя меня, что нервные клетки не восстанавливаются, а мои срывы слишком дорого обходятся бюджету Министерства юстиции. Стало быть, теперь я должна быть максимально тихой и незаметной. Не привлекать внимания и не вступать в споры.

Нет, я не истеричка, просто не всех хотят убить крупные наркодельцы, лишь бы в суде не услышать моих показаний. Шесть месяцев я провела, скрываясь, колеся по стране и сменив кучу имен... Кому бы это пошло на пользу?

— Пожалуйста, подойдите на свободные сиденья и успокойте ребенка, — проворковала подоспевшая стюардесса. И, о чудо, мамаша тут же послушалась, еще и пропела, благодарно улыбаясь:

— Конечно, простите.

Я закатила глаза и быстро прошла на выход, в который раз удивляясь, почему люди не слышат моего вежливого обращения, но спокойно воспринимают замечания других.

Первый контроль проходила, затаив дыхание и оглядываясь по сторонам, — привычка, выработанная за последние полгода. Дальше пошло по накатанной. Пока не пришло время забирать багаж...

Мой чемодан так и не появился, зато по кругу крутилось одинокое розовое недоразумение, на которое никто так и не позарился. Я все ждала свой багаж, выискивая взглядом того, к кому можно обратиться с вопросом, когда появилась некая женщина в строгом костюме. Приблизившись к ленте, она громко зачитала этикетку, прикрепленную к одинокому чемоданчику, и тут я поняла, что жизнь окончательно повернулась ко мне задом:

— Элеонора Ридли!

Да что же это такое! Ну не может так не везти. Просто не может.

— Это какая-то ошибка, — как можно спокойнее сообщила я, приближаясь. — Мой чемодан был минимум в два раза больше этой пародии.

— Вы Элеонора Ридли? — надменно уточнила дама.

— Да, но...

— Тогда заберите свой багаж, пока его не унесли на склад до востребования.

— Вы не поняли!

Я сжала кулаки и снова начала считать, сбившись примерно на пятнадцать, когда к женщи-

не подошел мужчина в типичной униформе и передал ей переноску с трясущимся мелким нечто с огромными ушами и розовым бантом.

— Хозяйка не приходит за питомцем. Некая Элеонора Ридли.

Тут они оба посмотрели на меня.

— Это она, — обличительно указала пальцем женщина.

— Тогда почему вы не забираете своего... — Мужчина перевел взгляд на собаку и прочел имя, прикрепленное на ручке переноски. — Пусю?

У меня нервно дернулось веко.

— Это. Не. Моя. Собака!

— Не кричите, пожалуйста. Иначе мы позовем охрану! — тихо постановил мужик, передавая псину в руки коллеги. — Разбирайся сама, Роза, я сегодня уже брал на себя того дебошира. Твоя очередь.

— Да вы издеваетесь! — зло выпалила я. — Объясню в последний раз: мой багаж каким-то образом перепутали вот с этим! — я ткнула пальцем на розовый чемодан и тут же перевела его на дрожащую всем телом зверюгу, размером не превосходящую мой рюкзак. — И это тоже не мое! Либо вы немедленно разберетесь с этой ошибкой, либо я!..

— Элеонора! — прервал меня знакомый, чуть вибрирующий от раздражения голос. Обернувшись, я узрела федерального маршала Пастер-

са во всей красе. Как всегда собранный, деловой и спешащий на помощь. — Что случилось?

— Ваша знакомая не хочет забирать багаж и собаку, — тут же начала жаловаться сотрудница аэропорта. — Угрожает скандалом и жалобами!

— Я пока никому не угрожала, только просила разобраться...

— О, все в порядке. Это наш багаж, — снова вклинился Пастерс, заставляя меня обалдеть от возмущения и в кои-то веки замолчать. — Простите за недоразумение.

— Вот и прекрасно. Очень рада, что мы сумели разобраться, — изобразила вежливость женщина, бросая на меня взгляд, полный превосходства, и вручая в руки Пусю. — До свидания!

Она уходила, а мое раздражение нарастало.

Резко развернувшись, я уставилась на Пастерса, собираясь закатить уже настоящий скандал. Но он успел заговорить первым.

— Я разберусь с багажом, обещаю. Мы найдем, куда улетели твои вещи, и заставим хозяйку чемодана и собаки забыть про их существование.

— Не это я хотела услышать! Мне нужны мои вещи и совершенно не нужна псина.

— Ну, подаришь ее кому-нибудь, — пожал плечами маршал. — Это точно не твоя главная проблема.

Разумеется, моя главная проблема была в том, что я вообще полезла совершать подвиги и встала на сторону закона и справедливости.

— Конечно! Я совершенно зря связалась с вами.

— А теперь послушай меня, — Пастерс подхватил розовый чемодан и, затащив меня в некий закуток, продолжил: — Я устал от тебя. Хватит. Ты сменила четыре места жительства за полгода.

— Потому что вы подбираете совершенно неподходящие для меня легенды, — по возможности вежливо и сдержанно ответила я.

— Так! — Впервые на лице маршала появилось выражение злости. Искренней и настоящей. — Ты, несомненно, очень помогла следствию, проявив гражданскую ответственность и дав показания против Сойера-старшего, и мы шли тебе навстречу, сколько могли. Я помню, что ты журналистка, сделавшая свое имя сама, и что скандалы, интриги и расследования — твое все, но... Хватит. Это в прошлом. Сойера осудили, и правительство больше не может тащить лямку с именем...

— Элеонора Ридли, — напомнила я последнее из вымышленных имен.

— Именно так. Гувернантка. Спокойная и уравновешенная. С пятью тысячами баксов на счету.